

Письмо к***

Category: Goşgular, Kitapcy
написано kitapcy | 26 января, 2025
Письмо к*** ПИСЬМО к***

Я сам, мой друг, не понимаю,
Как можно редко так писать
К друзьям, которых обожаю,
Которым все бы рад отдать!..
Подруга детских лет, с тобою
Бываю сердцем завсегда
И говорить люблю мечтою..
Но говорить пером – беда!
День почтовой есть день мученья!
Для моего воображенья
Враги чернильница с пером!
Сидеть согнувшись за столом
И, чтоб открыть души движенья,
Перо в чернила помакать,
Написанное ж засыпать
Скорей песком для сбереженья –
Все это, признаюсь, мне ад!
Что ясно выражает взгляд
Иль голоса простые звуки,
То на бумаге, не попад,
Для услаждения разлуки,
Должны в определенный день
Мы выражать пером!.. А лень,
А мрачное расположение,
А сердца тяжкое стесненье
Всегда ль дают свободу нам
То мертвым поверять строкам,
Что в глубине души таится?
Неволи мысль моя страшится:
Я автор – но писать ленив!
Зато всегда, всегда болтлив,

Когда твои воображаю
Столь драгоценные черты
И сам себе изображаю,
Сколь нежно мной любима ты!
Всегда, всегда разгорячаешь
Ты пламенной своей душой
И сердце и рассудок мой!
О, сколь ты даром обладаешь
Быть милой для твоих друзей!
Когда письмо твое читаю,
Себя я лучшим ощущаю,
Довольней участью своей,
И будущих картина дней
Передо мной животворится,
И хоть на миг единый мнится,
Что в жизни все имею я:
Любовь друзей – судьба моя.
Храни, о друг мой неизменный,
Сей для меня залог священный!
Пиши – когда же долго нет
Письма от твоего поэта,
Все верь, что друг тебе поэт, –
И жди с терпением ответа!

4 января 1814 г.

- **Ареопагу**

О мой Ареопаг священный,
С моею музою смиренной
Я преклоняюсь пред тобой!
Публичный обвинитель твой,
Малютка Батюшков, гигант по дарованью,
Уж суд твой моему «Посланию»
В парнасский протокол вписал
За крепой Аполлона,
И я к подножию божественного трона
С повинной головой предстал,

С поправками «Послания»
И парой слов для оправдания!
Прошу, да пред него и Аристарх-певец

С своею критикой предстанет,
И да небесный Феб, по Пинду наш отец,
На наше прение негневным взором взглянет!
За что ж о плане ты, мой грозный судия,
Ни слова не сказал? О, страшное молчанье!
Им муза робкая оглушена моя!

И ей теперь мое «Послание»
Уродом кажется под маской красоты!
Злодей! молчанием сказал мне больше ты
Один, чем критиков крикливое собрание
Разбора строгого шумящую грозой!

Но так и быть, перед тобой

Все тайные ошибки!

О чем молчишь — о том и я хочу молчать!..
Чтоб безошибочно, мой милый друг, писать,
На то талант твой нужен гибкий!
Дерзнет ли свой листок он в тот вплести венец?
Ужасный стих! так ты воскликнул, мой певец!

И музы все с тобой согласны!

Да я и сам кричу, наморщившись: ужасный!
Вотще жую перо, вотще молюсь богам,
Чтоб от сего стиха очистили «Послание»!
Напрасное пера невинного жеванье,
Напрасные мольбы! — поправь его ты сам!
Не можешь? Пусть живет векам на посмеянье!
Кто славы твоя опишет красоту!
Ты прав: опишет — вздор, написанный водою,
А твоя — урод! Готов одной чертою
Убить сей стих! Но, друг! смиренную чету
Двух добрых рифм кто разлучить решится?
Да, может быть, моя поправка пригодится!..
Кто славных дел твоих постигнет красоту? —
Не лучше ли? Прими ж, мой друг, сию поправку,

А прежний вздорный стих в отставку.
Что далее?.. Увы! я слышу не впервой,
 Что стих: Дробила над главой
Земных народов брань, и что ж еще: державы! —
Смешной и темный стих! Быть может, бес лукавый,
 Моих баллад герой,
Сшутил таким стихом коварно надо мной.
Над искушителем себя мы позабавим
Балладой новою, а стих хоть так поправим:

Ниспровергала, враг земных народов, брань!..
Нет! выше бурь венца... Ты здесь, мой друг, в сомненье;
Но бури жизни есть для всякого певца
Не запрещенное от Феба выражение!
А бури жизни, друг, чем лучше бурь венца?
Итак, сомнение приняв за одобренье,
Я с бурями венца отважно остаюсь —
Вверяясь твоему сомненью,
Спокойно на берегу с моей подругой ленью
 Сию и бурям критики смеюсь.
Другой же стих — твоя, а не моя погрешность;
Затмила, кажется, рассудок твой поспешность:
 Ведь невнимательных царей
В Послание нет! лишь ты, по милости своей,
 Был невнимательный читатель;
А может быть, и то, что мой переписатель
 Царей не отделил
 От их народов запятою
 И так одной пера чертою
 Земной порядок помутил.
Итак — здесь виноват не я, а запятая,
 И критика твоя косая. —
Под наклонившихся престолов царских сень
Народы ликовать стекались толпами.
 По мненью твоему, туман.
Прости! но с критикой твоей я не согласен,
И в этих двух стихах смысл, кажется мне, ясен!

Зато другие два, как шумный барабан,
Рассудку чуждые, лишь только над ушами
Господствуют: мой трон у галлов над главами,
Разгрянувшись...

Своими страшными кусками
Подобен сухарю и так же сух, как он.
Словечко вспыхнул мне своею быстротою
Понравилось – винюсь, смиряясь пред тобою;
И робкою пишу рукою:
Вспылал, разверзнувшись как гибельный вулкан.
Но чем же странен великан,
С развалин пламенных ужасными очами
Сверкающий на бледный свет? –
Тут, право, милый друг, карикатуры нет!

Вот ты б, малютка, был карикатура,
Когда бы мелкая твоя фигура
Задумала с развалин встать
И на вселенну посверкать.
А тень огромная свирепого тирана...
Нет... Я горой за великана!
Зато, мой друг, при сих забавных трех стихах
Пред критикой твоей бросаю лирой в прах
И рад хоть казачка плясать над их могилой:
Там все...

И вот как этот вздор поправил Феб мой хилый:
Там все – и весь, и град, и храм – взывало: брань!
Все, раболепствуя мечтам тирана, дань
К его ужасному престолу приносило...
Поправка – но вопрос, удачна ли она?
И мздой свою постель страданье выкупало!
Конечно, здесь твой вкус надменный испугало
Словечко бедное: постель? Постель бедна
Для пышности стихов – не спорю я нисколько;
Но если муза скажет нам:
И мздой свой бедный одр страданье выкупало, –
Такой стишок ее понравится ль ушам?

Как быть! но мой припев: поправь, как хочешь, сам!

И дай вздохнуть моей ты лени —

Тем боле, что твои совсем некстати пени

За этот добрый стих, в котором смысла нет;

И юность их была, как на могиле цвет!

Здесь свежесть юная и блеск цветочка милый

Противоположён унынию могилы;

На гробе расцветая, цветок своей красой

Нам о ничтожности сильнее напоминает;

Не украшает он, а только обнажает

Пред нами ужас гробовой.

И гроба гость, цветок — символ для нас унылый,

Что все живет здесь миг, и для одной могилы...

И хитростью...

Мой друг, я не коснусь до первых двух стихов!

В них вся политика видна Наполеона!

И всем известно нам, что, неизбежный ков

Измены, хитрости расставивши близ трона,

Лишь только добивал его громами он.

Не будь Наполеон —

Разбитый громами охотно я б поставил!

Последние ж стихи смиренно я поправил,

А может быть, еще поправкой и добил:

По ним свободы враг отважною стопою

За всемогуществом шагал от боя к бою!

Что скажешь? угодил? —

А следующий стих, на ратей переходы

Служащий рифмою, я так переменял:

Спешащих раздробить еще престол свободы.

Еще трем карачун; их смуглый мой зоил (Воейков)

На смерть приговорил:

И вслед ему всяк час за ратью рать летела —

И по следам его на место: вслед всяк час

Поставить рожица мне смуглая велела!

И я исполнил сей приказ!

Уж указуешь путь державною рукой —

Приказано писать: Уж отверзаешь путь.
Перед тобой весь мир – писать: перед тобою
Мир – весь же зачеркнуть...
Еще на многие стихи он покосился,
Да я не согласился.

4 января 1815 г. Goşgular